КНУТ Д О В И Д

МОИХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Париж I925г.

I

Я,
Довид-Ари бен Меир,
Сын Меира-Кто-Просвещает-Тьмы,
Рожденный у подножья Иваноса,
В краю обильном скудной мамалыги,
Овечьих брынз и острых качкавалов,
В краю лесов, бугаев крепкоудых,
Веселых вин и женщин бронзогрудых,
Где, средь степей и рыжей кукурузы,
Еще кочуют дымные костры
И таборы цыган;

Я,
Довид-Ари бен-Меир,
Кто отроком пел гневному Саулу,
Кто дал
Израиля мятежным сыновьям
Шестиконечный щит;

Я,
Довид-Ари,
Чей пращ исторг
Предсмертные проклятья Голіафа, —
Того, от чьей ступни дрожали горы —
Пришел в ваш стан учиться вашим песням,
Но вскоре вам скажу
Мою.

Я помню все:
Пустыни Ханаана,
Пески и финики горячей Палестины,

Гортанный стоп арабских караванов,
Ливанский кедр и скуку древних стен,
Святого Ерушалайми.

И страшный час:
Обвал, и треск, и грохоты Синая,
Когда в огне разверзлось с громом небо
И в чугуне отягощенных туч
Возник, тугой, и в мареве глядел
На тлю заблудшую, что корчилась в песке,
Тяжелый глаз Владыки — Адоная.

Я помню все: скорбь вавилонских рек,
И скрип телег, и дребезги кинор,
И дым, и вонь отцовской бакалейки —
Айва, халва, чеснок и папушой, —
Где я стерег от пальцев молдаван
Заплесневелые рогали и тарань.

Я,
Довид-Ари бен-Меир,
Тысячелетия бродившее вино,
Остановился на песке путей,
Что-бы сказать вам, братья, слово
Про тяжкий груз любови и тоски —

Блаженный груз моих тысячелетий.

ЖЕНА.

Ты рыжей легла пустыней.
Твой глаз
Встает, как черное солнце,
Меж холмами восставших грудей.

Вечер огненный стынет.
С сердцем, растресканным жаждой,
(Уже не однажды, не дважды...)
Ищу и ищу колодца.

Здесь гибли верблюды и люди.
Под реянье вечных мелодий.
С предсмертным криком о чуде.

Было,
Есть.
Будет.

Под песками отлогих бедер
Узко
В тугом молчаньи
Ходит тугой мускул
От ветра моих желаний.

Будет самум. Тучи!
А мы босы и наги.
В тоске и жажде
Влаги
Распаленный требует рот.

Скоро самум! Могучий
Мелко бьется живот.

За легким взгорьем
Стоит и ждет верблюд.

Скоро последний труд!
Скоро в песках самума — встреча, крик, борьба.

Алчба!...
Господи, спаси и помилуй.

МЕНА.

1.

За одну, дорогая, улыбку
Вот — бери молодого верблюда,
Вот — цветную складную палатку,
Две плетенки маслин из Эль-Хивы,
Пару темных арабских запястий,
Я сниму с себя кованый пояс,
Я добавлю зеленое мыло —
За одну, дорогая, улыбку —
И удачливый буду купец.

2.

Что-б коснуться — на миг только — глазом
Твоих козьих оливковых грудей,
Я богов тебе дам чужестранных,
И коробку из кожи, и ложку,
И другие дорогие вещи,
Что достались мне от каравана,
Шедшаго на юг от Эль-Кореим.
Дам железные серьги с смарагдом,
Два меха, не знавших доныне
И капельки капли воды,
Дам орехов, и масл и гранатов,
И сандалий, и тканей пунцовых.

Что-б коснуться — прелестная — глазом
Твоих козьих оливковых грудей —

И удачливый буду купец.

3.

За веревочный старый нагрудник,
Что пропах теплой солью загара
Твоих грудей, что бьются при беге,
Как некие пленные птицы,
Отсеку себе руки и ноги,
Положу небывалым агатом
Пред тобою мой преданный глаз.

За веревочный старый нагрудник —

И останусь еще в барыше.

И когда, колыхнувшись, неясными
Станут дом и огни вдалеке,
Мы, дрожа от любви и боязни,
Тайно ляжем на теплом песке.

Ночь над нами безмерная взвеет
В синем стуке — тоске — бубенца...
В темноте будет слышно, как блеет
Разбуженная нами овца.

Закат тонул и тух,
И вечер качал маслины,
Веселый и смуглый пастух
Я гнал своих коз в долину.

О козий соленый сыр,
Черный хлеб с виноградным соком,
Душный запах ея косы,
Брошенной в песок.

Пусть маячили в небе гробы,
Но рот хотел пить —
И на грубом песке так вкусно было
Мне женщину доить.

Пыль
Дорог.
Уныль.
Песок.
Зной.
Пой,
Бог.

Сарра,
Мой мед,
От дыханья песков Ханаана
Тяжелый и теплый,
Агарью
Под ласкою бьешься,
Испуская сладкие вопли
В недвижный стеклянный вечер
И звенящий песок
Пустынь.

Раскинув горячие ноги,
Развезрши последнюю тайну,
Агарью — язычницей стонешь
Под грузом
Счастливым
Меня.

Земля любит молчанье.
Солнце любит мычанье.
Ветер любит звучанья
Струн, колес, меня.

Я люблю мое незнанье:
На чьем пороге любовь моя.

ОЗЕРО.

Золотистое озеро.
Черная лодка.
Хорошо жить.

За голым деревом —
Зацепился за сучья —
Колышется закат.

Одинокое дерево.
Одинокая скамейка.
Молчи. Молчи.

Веет вечер.
Хлынь, еловый ветер!
Хорошо жить.

Вечер большою птицей
Садится в хлеб, в поля.
Черная преет — дымится,
Дышит теплом земля.

Дразнит молвой человечьей
Близкий смутный бор.
Теплый струится вечер.
Теплый стоит забор.

МРАК.

Я ждал властительницу грозную.
Дрожало лунное пятно—
В глухую ночь, такую звездную.
Ударил стон в мое окно.

Тогда, разбив бокал единственный,
Где жаждал губ моих заман,
Ушел я тихо и таинственно
В ночной туман.

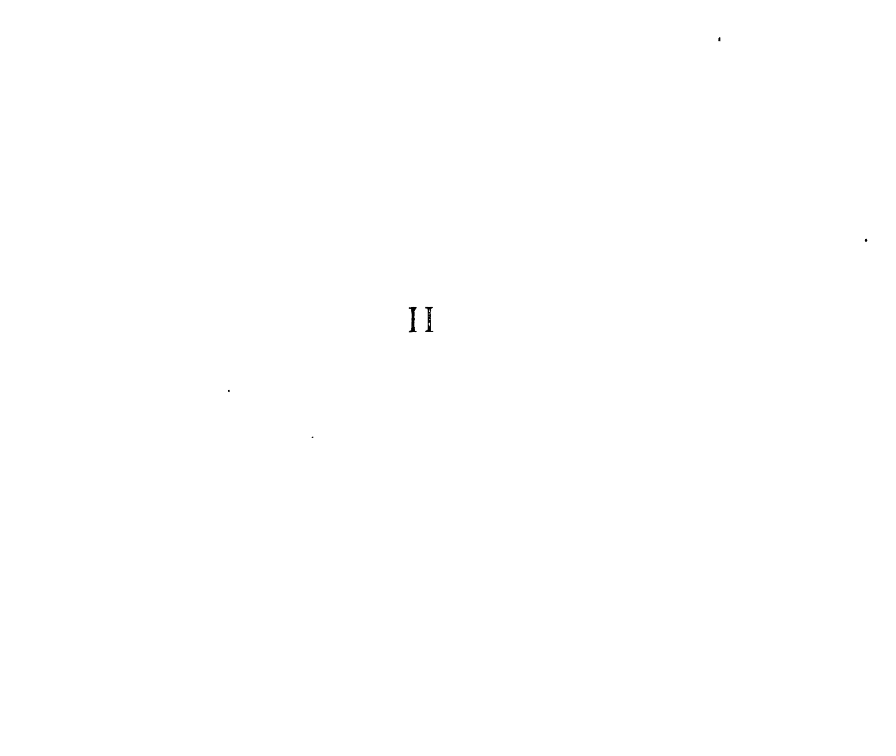
И ночь моя, играя блестками
Зажженных кем-то огоньков,
Мне шла навстречу перекрестками
Под звон серебряных подков.

И я, вселенский и ненужный,
Печаль и радость поборов,
Спокойно шел во тьме и стуже
К огням неведомых костров.

Вот пуст мой дом. Цвети, мой посох.
Убогий вечер так угрюм...
Приют и мир вам, божьи росы.
Вам — душу сладкую мою.

Варган и тупь мирокружений,
Напрасный бой любых подков...

Но в час глухих изнеможений
Спасет полынь моих стихов.

II

СНЕГ В ПАРИЖЕ.

Тихо падает снег
На шляпы, трамваи, крыши.
Тихо падает снег.
Все — глуше, белее, тише...

Черти-ли чинят погром —
Порют божьи периын?
Ангел ли стелет ковром
Оброны райских кринов?

Или дыхание рек,
Мое и других животных
И впрямь обратил Он в снег,
Нежный, простой, бесплотный?...

Ах, не преть-бы сейчас
В этом тумане Парижа,
Где тускл человечий глаз,
Где сердце носят, как грыжу.

Но открыть глаза — и стать
В огромном белом поле,
Где белая ширь — благодать,
Где страшная белая воля.

Что-б не видеть, не знать, не гадать.
И когда раскалит скулы,
Не ждать огонька, что как тать
Мигнул-бы из снежных разгулов.

Чтоб горел я, божья свеча,
Один — в степном урагане:
Что-бы тужился, бился, звучал,
Как струна, в ураганном органе.

Стоять, закрыв глаза,
И белую слушать негу...
Знать: нельзя назад.
Обростать тоской и снегом...

И став святее детей,
И простив Ему всю обиду,
Слушать, слушать метель,
Стыть, как забытый идол.

В скучном дождливом мреяньи
Свистом осенним гоним,
Теряю без сожаления
Прошлые — бедные — дни.

Лишь вспомню, как в теплой шали ты
Гуляла со мной до зари.
На зеркале скользких асфальтов
Твердо стоят фонари.

Хорошо фонарям — они знают:
Что, куда, зачем.
Каждый вечер их зажигает
Фонарщик с огнем на плече.

А мой Нерадивый Фонарщик,
Зачем Ты меня возжег?
Поставил распахнутым настежь
На ветру четырех дорог?

Поставил меня в тумане,
Где смутен мне собственный след.
Обрек — из недр молчанья
Исторгать только блуд и бред.

Вот дал мне руки и ноги,
И сердцу велел бить.
Но где же легли дороги,
По которым ноге ходить?

По пустынным шляемся улицам
Я и брат мой — беспутный ветр.
За трубой неуклюже сутулится
Городской оголтелый рассвет.

Стоим перед вечной вечностью
Этот страшный мир — и я.
Не спастись мне даже беспечностью
От дыры небытия.

У СЕНЫ.

Свинцовый вечер,
тоска и одиночество.
Хриплый ветер
и фонари моста.
Вонючий кто-то без имени, без отчества...
Пустое небо — сырая пустота.

А рядом — люди,
безносые, безглазые,
Он мнет ей груди
за двадцать-тридцать су.
Лоснится жадностью лицо его чумазое.
Она покорствует за небольшой посул.

Вот автобус придет из грохов Сен-Мишеля,
И задымит всклокоченный туман,
И ток всплеснет в своей гранитной щели,

И, вздрогнувши, качнется Нотр-Дам...
И лишь фонарь, упрямый и бесстрастный,
И не мигнет зрачком зелено-красным.

Домой, к стихам! Мой вечер не стихи-ль?
Ра — хиль!...

ХОЛОДНО.

На мосту фонарь
Под мостом фонарь.
Дрожит вода.

На мосту фонарь.
Под мостом фонарь.
Ветер тушит плач.

На мосту фонарь.
Под мостом фонарь.
Ночь.

МОЙ ЧАС.

Когда распахнет ворота
Твердый фабричный гудок,
Смиренен, прост и кроток,
Иду я в мой дом.

И, как Понтий, умыв руки,
Сбросив мир с моего плеча,
Я вхожу в бесподобные муки,
В мой высокий торжественный час.

Вот для этого малого часа
Я столетья живу ослом,
Пью чай и ем мясо,
Разговариваю обо всем.

Вот для этого долгого часа
Обману я земной обман,
Чтобы скорбь недородов и засух
Покрывал моих глаз туман.

Чтобы ждать — глухой и незрячий —
Отдаленную весть о том.
Что-бы буквой на веки означить
Мою скуку и мой восторг.

ПОКОРНОСТЬ.

Лежу под Тобою, Господи,
И так мне отраден груз.
Смотри: неустанно покорствую —
Тружусь, молюсь, боюсь.

Принимаю земные работы —
Принимаю пищу и труд.
Каждый день выхожу на заботы
И волнуюсь, спешу, ору.

Никакими пудами земными
Превосходный Отец мой, не взвесить
Одно Твое Имя,
А Ты на мне весь.

Хожу, богомольный скиталец,
С тяжелым Тобой на спине,
А один Твой, Боже мой, палец
Раздавит сто вселенных.

Ни о чем Тебя не спрашиваю.
Каждый день ухожу на завод.
Терпеливо ношу — изнашиваю
Мои дни, идеалы, живот.

Молчу в тишине,
Как скупой считает деньги.
Слышу — вкрадчивый снег
Засыпает лодки и веники.

Белый ветер, зноби.
Хлопья веселой злобы!
Все, что я знал и любил,
Лежит, как пятак,
Под сугробом.
Так —
В снежный четверг —
Я
Отверг
и
Угробил.

Я бы все обожал,
Как ржет коренастая лошадь.
Но полыхает пожар,
И в тумане лежит межа,
И во тьме, —
Где смех,
Где грех,
Где дышит орех, —

Ножа
Острей и опасней
Напрасная
Ощупь.

Стою у моста.
Так пророк носил скрижали.
Стоит тишина у рта.
Ждет, что-б губы сжались.

АПОФЕОЗ.

Молчать.
Замкнуть непристойные губы.
На язык неподобный и грубый
Каленая ляжет печать.

В тишине,
Небывалой,
Огромной,
Глушительной,
Почтительно восстанут уши.
Слушать.

Господи, видишь:
Стою
Мал,
Нем,
Прост.
Аз есмь
Последний пес.

Аз есмь
Последняя гнида,
Сосущая Твое вымя...

Молчать.
Растопить в молчании душу.
Слушать.

И вот
В тишине
Мне
Весть:
Есть.

И вот
В тишине
Мне
Песнь:
Есть.

И вот
В тишине
Мне
Знак:
Так.

Светом тихим озарило —
Вешним духом закадило —
Горним счастьем осенило —

Рей,
Грей,
Благодатное.

Жги
Зги
Необ'ятные

Даждь благодать.
Всем, Господи,
Всем, мой Боже,

— Чьи души в копоти,
— На людей непохожим,
— Странным-перехожим,
— Всем харям и рожам
Твоего улова.

Господи!
Не дышу.
Не стою.
Не смею —

В небесном ропоте,
В райском топоте,

Синеет —
Реет —
Слово.

Неиз'яснимое.
Бесподобное.
Неповторное.

Книга эта набрана и от-
печатана въ іюне тыся-
ча девятьсот двадцать
пятого года въ типогра-
фии Наварр, в Париже.